

ПОЛТАВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВЪДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

1864 года.

№ 21.

Ноября 1.

ТАЙНА БУДУЩАГО ПРЕДНАЗНАЧЕНІЯ

по ученію Вьры и науки.

II.

(Окончаніе).

Когда слышишь тотъ надменный тонъ, съ какимъ ученіе рационалистовъ относится къ рѣшенію загадки о предназначеніи чловѣка, утвержденному христіанскимъ догматомъ, то очень естественно подумаешь, что само оно имѣеть уже готовую объ этомъ теорію, способную выдержать испытанія разума и науки и вмѣстѣ съ тѣмъ—удовлетворить и заспокоить сердечное томленіе чловѣческаго духа. И въ самомъ дѣлѣ, коль скоро кто съ такимъ гордымъ челомъ станетъ предъ ученіемъ, которое почти въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ отвѣчало всѣмъ самымъ возвышеннымъ стремленіямъ чловѣчества, и въ долгой борьбѣ времянь проходило чрезъ строгую критику геніевъ; коль скоро кто въ особенности имѣеть намѣреніе вмѣсто этого ученія представить

другое, болѣе соотвѣтствующее потребностямъ души и великимъ началамъ разума: то онъ долженъ, если не ошибаюсь, самъ сформулировать ученіе ясно опредѣленное и то, что называетъ темнотою тайны — замѣнить свѣтомъ науки. Ибо, въ противномъ разѣ — для него было бы очень неудобно, а для чающихъ душъ слишкомъ жестоко, если бы онъ, собравъ надъ отраднымъ для человечества догматомъ тучи суевѣрій и забросавъ его сотнями возраженій, бросилъ потомъ надежду человечества посреди такого мрака, распростертою надъ бездною сомнѣнія.

Поэтому-то, господа, оправдавъ христіанскую тайну предназначенія человѣка предъ человѣческимъ разумомъ и современною наукой, какъ это я дѣлалъ доселѣ и съ другими тайнами, я имѣю теперь право потребовать отчета отъ свободомыслящаго человѣческаго разума относительно его *вѣрую* въ будущее и догматъ предназначенія. Ибо хотя рационализмъ въ другихъ пунктахъ ученія и не заставляетъ насъ говорить во чтѣ онъ вѣруетъ или не вѣруетъ, но коль скоро дѣло идетъ о великой тайнѣ предназначенія, онъ, хочеть ли не хочеть, долженъ представить намъ также свое рѣшеніе, свою теорію, свою систему, даже болѣе — свой догматъ и исповѣданіе. Будущее предназначеніе занимаетъ всѣхъ, и кто не рѣшаетъ его вмѣстѣ съ нами на основаніи вѣры, тотъ, натурально, обязанъ поискать лучшаго разрѣшенія въ своей собственной теоріи. Не стану спрашивать вольномысленнаго разума о томъ, чтѣ допускаетъ онъ относительно будущаго предназначенія міра; увѣряю только, что касательно этого предмета онъ знаетъ и говоритъ еще несравненно менѣе, чѣмъ нашъ догматъ; очень мало также остановлюсь надъ вѣрованіемъ его въ предназначеніе нашего тѣла, потому что здѣсь главное — это предназначеніе жиз-

ни, и относительно этого-то главного пункта мы имѣемъ право потребовать отъ рационализма объясненія, ибо онъ долженъ имѣть здѣсь также свое вѣрованіе и изречь свое *впрую*. Прежде всего современный рационализмъ, осмѣливаясь стать предъ откровеннымъ ученіемъ христіанскимъ, долженъ смириться или же сохранить полное уваженія молчаніе собственно по причинѣ разнообразія своихъ доктринъ или лучше системъ о назначеніи человѣка; ибо есть безчисленное множество рѣшеній, вымышленныхъ самими рьяными представителями рационализма, усиливавшимися съ большею или меньшею ясностію и вѣроятностію разрѣшить великую загадку будущаго. Изложеніе, или лучше одно указаніе этихъ системъ будетъ уже почти ихъ опроверженіемъ, ибо оно покажетъ, до какой степени недостаточно они разрѣшаютъ вопросъ о предназначеніи человѣка.

Я хочу говорить здѣсь только о рѣшеніяхъ, которыя даетъ намъ рационализмъ современный, думаю коснуться только доктринъ еще живущихъ, потому что я не окончилъ бы, если бы въ настоящемъ словѣ нужно было отрясти пыль съ множества другихъ ученій, погребенныхъ въ могилахъ стародревней мысли. Поэтому оставимъ лучше въ покоѣ лежація во гробахъ или же повитыя вѣковыми пеленами всѣ эти философскія муміи древности, которыхъ напрасно усиливались возвратить къ жизни гальванизмомъ современной мысли; и безъ того довольно долгимъ и неблагоприятнымъ трудомъ будетъ одно перечисленіе здѣсь мыслей мудрецовъ новыхъ. — Всѣ системы, изобрѣтенныя человѣческимъ умомъ съ цѣлью разрѣшенія загадки бытія, можно свести къ одной изъ слѣдующихъ двухъ категорій: есть такія, что отвергаютъ или по крайней мѣрѣ не допускаютъ положительно безграничнаго бытія, или безсмертія человѣче-

ской жизни за гробомъ, и есть опять такія, которыя подъ разными видами и условіями не колеблясь признають догматъ о безсмертіи, всегда, однакожь, объясняя его по-своему и всячески отдавая его сколько возможно отъ христіанскаго ученія о будущей жизни человѣка.

И вопервыхъ, между разрѣшеніями, исключаящими безсмертіе, собственно понимаемое, встрѣчаемъ прежде всего рѣшеніе строга *матеріалистическое*. Кто отвергаетъ бытіе души и отрицаетъ духъ, у того очень простое разрѣшеніе вопроса о предназначеніи. По смыслу этой поистинѣ дикой философіи, человѣкъ есть живущій организмъ, или же какъ когда-то сказано, — *органическая матерія*, и предназначеніе человѣка всецѣло основано на разложеніи этого организма. Ты не что иное, какъ великолѣпное скопленіе атомовъ, хотя и невозможно сказать, какъ и почему явилось это скопленіе; но чтожь? ужели не сила произвела его? эти атомы поддерживаются между собою таинственною невидимою связью, которая и составляетъ твою жизнь; смерть есть прекращеніе этой связи, и это прекращеніе опредѣляетъ послѣдній конецъ твоего предназначенія. Для чегожь ты смотришь далѣе этого гроба? чего ищешь по-за этимъ трупомъ? За гробомъ — одна лишь ночь, а за трупомъ — однѣ лишь твои собственныя мечты. Человѣкъ странствовалъ и здѣсь задержался; жилъ и умеръ, все кончено; вчера — организмъ, сегодня трупъ, а завтра?... завтра прахъ, который смѣшается со всякимъ другимъ прахомъ, или же по мановенію природы улетитъ и войдетъ въ другой организмъ, который въ свою очередь опять когда-то уничтожится и опять обратится въ прахъ.

Но есть другой матеріализмъ, менѣе грубый, отъбѣенный скорѣе спиритуализмомъ; онъ гораздо легче увлекаетъ

въ наше время сердца, жаждущія вырваться изъ тяжелой атмосферы и питающія въ себѣ даже среди матеріализма, менѣе грубыя стремленія. Въ силу этого колеблющагося матеріализма, въ темной и неопредѣленной фразеологіи приписывающаго себѣ право защищать и превозносить духъ чловѣкъ, подобно всякому другому существу конечному есть, какъ мы уже прежде упоминали, *свободное обнаруженіе бытія на лоно безконечности*. Забавно это лоно безконечности! Какъ бы то ни было, оно есть родина для чловѣка; оно — колыбель его жизни, въ немъ вся тайна его происхожденія. Въ извѣстный день явился на свѣтъ чловѣкъ, ему угодно было проявить себя внѣ безконечности; нѣсколько позже явленіе это исчезаетъ; чловѣкъ по смерти погружается въ глубину той же безконечности, изъ которой когда-то вышелъ, чтобъ повеселиться на скоропреходящемъ солнцѣ бытія, подобно тѣмъ слизнякамъ, что плаваютъ въ глубинѣ моря и иногда покажутся на поверхности океана, пополощутся на ясномъ свѣтѣ солнца и снова потому скроются въ безднахъ морскихъ. Чловѣкъ возвращается въ лоно *всеобщаго бытія*: его тѣло опять возвращается въ область всеобщаго бытія, обнимающаго все тѣла, а душа — въ область бытія, заключающаго все души; потому что, повторяю, въ словарѣ этого матеріализма, покрытаго столь легкимъ газомъ, душа также занимаетъ свое мѣсто хотя слѣдовало бы еще хорошо опредѣлить, есть ли эта душа какая либо эфирная матерія или нѣтъ. Быть можетъ, вздумаете спросить этого протeya матеріализма, который принимаетъ различныя даже духовныя образы, что такое у него тѣла и что такое души? въ особенности, можетъ быть, потребуете, чтобы онъ объяснилъ вамъ, что станется съ одними и что съ другими, когда они будутъ поглощены въ

этой безднѣ бытія, и—прежде всего—что станется съ человѣческой личностію? — Къ чему же это ненасытное любопытство? Ужели вы бы хотѣли знать еще больше? Говорятъ вамъ, что каковы бы ни были эти тѣла и души, всё они возвращаются въ безконечность точно также, какъ и вышли изъ нея, въ силу сокровеннаго закона и таинственной силы, которая побуждаетъ безконечность къ поглощенію въ обширномъ своемъ лонѣ всѣхъ этихъ конечныхъ существъ, подобно тому, какъ та же самая сила и тотъ же самый законъ побуждалъ её выбросить ихъ на поверхность въ извѣстной точкѣ пространства и въ извѣстный моментъ времени.

Спрашивать еще большаго, значитъ спрашивать о томъ, чего ужъ разумъ человѣческій знать не можетъ. Если вы достаточно не понимаете этого столь простаго рѣшенія о предназначеніи человѣка, то это только потому, что вы еще не дозрѣли до великаго пониманія жизни, только потому, что вы не въ состояніи однимъ широкимъ взглядомъ обозрѣть того океана божественнаго существа, приливъ и отливъ коего есть истолкованіе великаго приращенія и умаленія жизни; такъ Атлантическій океанъ выбрасываетъ на берегъ свои волны, или же тянетъ ихъ назадъ въ бездну—силою толкающею впередъ или же влекущею назадъ; потому, наконецъ, не понимаете, что вы еще не возвысились довольно высоко въ область идей, чтобы однимъ мгновеніемъ ока могли обозрѣть новые горизонты, которые открываетъ предъ человѣческимъ умомъ современная наука.

Кромѣ рѣшеній, представляемыхъ матеріалистами и пантеистами, мы имѣемъ еще рѣшеніе философовъ спиритуалистовъ, или по крайней мѣрѣ той, которая выдаетъ себя за такую. И въ самомъ дѣлѣ, если человѣческая философія въ

состояніи достаточно разрѣшить эту великую загадку, то по преимуществу отъ этой почтенной мудрости намъ слѣдовало бы ожидать разрѣшенія занимающаго насъ предмета.

Философы спиритуалисты по большей части доускаютъ жизнь души за гробомъ—будетъ ли она злою или доброю; не колеблясь также утверждаютъ, что за гробомъ существуютъ награды и наказанія. Итакъ всѣхъ ждетъ загробное бытіе, ждетъ будущее, въ которомъ человѣкъ сохраняетъ свою личность и переноситъ тяжесть ответственности предъ божественнымъ правосудіемъ. Разумъ здѣсь спрашиваетъ сейчасъ, какъ далеко будетъ простираться это будущее? Вообще оно будетъ опредѣляемо для каждаго сообразно его заслугамъ или проступкамъ. Но это раздѣленіе наказаній и наградъ, соответственное заслугамъ или проступкамъ временной жизни, будетъ ли въ своемъ продолженіи простираться безъ мѣры и касаться даже безсмертія? Вовсе нѣтъ: по крайней мѣрѣ спиритуалисты недостаточно увѣрились въ этомъ. Есть побужденія, располагающія ихъ пристать къ жизни *будущей*, но они не проявляютъ въ себѣ столько силы, чтобы имъ можно было признать даже жизнь *безсмертную*; что касается вѣчности мученій, то они не хотятъ допустить ее и говорятъ: *Нѣтъ*; относительно же вѣчности наградъ—колеблются и говорятъ: *можетъ быть!*...

Но есть и такая спиритуалистическая философія, которая ясно говоритъ человѣку: да, ты безсмертенъ. Философія эта тщеславится предъ нами, что путемъ борьбы съ материализмомъ, пантеизмомъ и спектицизмомъ дошла наконецъ до того, что изъ области системъ вывела наружу эту столь положительную и непоколебимую истину относительно предназначенія человѣка. Я не изслѣдываю, насколько здѣсь остатки воспоминаній катихизиса вліяли на современную философію,

что она осмѣлилась наконецъ среди насъ поднять знамя безсмертія; допускаю даже, что къ такому результату дошла своими собственными силами, но осмѣлюсь еще спросить, ужели думаетъ она, что съ этимъ пріобрѣтеніемъ она въ состояніи будетъ къ цѣлой массѣ человечества привить вѣру въ такое разрѣшеніе великаго вопроса о предназначеніи? а сколько же учениковъ, искренно привязанныхъ къ ея знамени, считаетъ она внѣ христіанства? что это, наконецъ, у нея за безсмертіе, всецѣло поставленное во тьмѣ будущаго, въ которое не смѣетъ проникать боязливый взоръ ея учителей? Не ждите отъ этой философіи никакого ученія о наградахъ и наказаніяхъ въ будущемъ; она смиренно высказываетъ свое невѣдѣніе, или лучше надменно хвастаетъ своимъ молчаніемъ, думаетъ, что она и то ужъ много сдѣлала, коль скоро освѣдомляетъ васъ, во имя своего непогрѣшимаго разума, что вы бессмертны и коль скоро на свою совѣсть принимаетъ обязанность важною доказательствомъ и высокою своего разума увѣрить васъ въ бытіи будущихъ наградъ и наказаній, которыхъ требуетъ справедливость для нашихъ добродѣтелей и пороковъ.

Что касается познанія о способѣ, какимъ будутъ соразмѣряться эти награды и наказанія, каково будетъ ихъ внутреннее свойство, степень, важность, продолженіе, мѣсто — объ этомъ и не спрашивайте вовсе; она вѣжливо отошлетъ васъ къ религіи, посоветуемъ пристать къ разряду тѣхъ легкомысленныхъ, которые слятся уяснить то, чего философія знать не въ состояніи; или же напротивъ скромно отвѣтитъ вамъ, что она не такъ дерзка, какъ другія философіи — ея сестры, дочери общаго отца — рационализма; это философіи дерзкія, довѣрять имъ она не советуетъ и обвиняетъ ихъ, не безъ основанія, въ томъ, что онѣ те-

ряются въ предположеніяхъ, блуждаютъ въ области фантази въ то время какъ имъ кажется, будто онъ что-то опредѣляютъ въ нашей загробной жизни и уясняютъ сущность и свойства безсмертія.

Здѣсь-то собственно философія, прервавшая связь съ нашимъ символомъ, представляетъ любопытное зрѣлище такого разнообразія странныхъ предположеній и противурѣчій, какое только можно себѣ вообразить.

Далѣе, есть теперь среди насъ, кромѣ христіанства и кромѣ упомянутыхъ уже философскихъ сектъ, ученіе или школа безсмертія противохристіанскаго. Въ отрасли и въ оттѣнки этого ученія повторяютъ одно и то же слово: *безсмертіе*. Но тутъ еще слишкомъ много не достаетъ, чтобы подъ этимъ выраженіемъ все понимали одинъ и тотъ же предметъ; поэтому кажется, что у нихъ безконечное число вѣрованій въ безсмертіе. Вліяніе общаго мнѣнія и стремленіе къ популярности привели теперь ихъ къ системѣ безсмертія прямо противоположнаго безсмертію христіанскому, къ безсмертію особеннымъ образомъ выгодному, улыбающемуся всѣмъ грезамъ фантази и всѣхъ освобождающему, или почти освобождающему отъ страха будущаго и отъ обузданія страстей. Это безсмертіе я называю именемъ собственнымъ его роду и общимъ для разныхъ видовъ подобныхъ системъ: *безсмертіемъ странствующимъ*.

Ученіе это утверждаетъ, будто бы душа по смерти человѣка не достигаетъ еще своего послѣдняго предѣла, но и за гробомъ опять идетъ и странствуетъ далѣе. Въ этой философской школѣ отличительная черта, всеобщая идея — это странствованіе. Но какое разнообразіе, какіе оттѣнки въ самомъ способѣ его совершенія! какое обиліе философскихъ мечтаній, изъ которыхъ одно потышнѣе другаго! Эти

изгнанницы настоящей жизни и странницы въ другомъ отечествѣ должны вѣчно идти и никогда не дойти. Эта философская насмѣшка, болѣе или менѣе ясная, проглядываетъ во всѣхъ системахъ, гордящихся разрѣшеніемъ загадки жизни. Но какими свѣтлыми или темными путями, по какимъ звѣздамъ, по какимъ солнцамъ будутъ проходить эти вѣчныя путешественницы? Какова же ихъ дорога по безмѣрности пространства и безконечности времени? Гдѣ мѣсто этого странствующаго безсмертія? а смерть, вѣчно возвращающаяся, гдѣ встрѣтитъ ихъ опять и снова заберетъ, чтобы продолжали дальнѣйшія перемѣны? куда послѣдуютъ онѣ, на ту ли планету, на которой были прежде, или же эти странницы осуждены еще влачиться здѣсь на землѣ? Или же Богъ вѣчнаго совершенства, Который воскрешаетъ ихъ въ тысячный или сто-тысячный разъ, одаритъ ихъ, наконецъ, магическими крыльями, чтобы онѣ могли улетѣть въ высшіе міры?..

Что же отвѣчаютъ на всѣ эти вопросы пророки предназначенія человѣческаго? «Все это мелочи», говорятъ они, «дѣтское любопытство; развѣ человѣческій разумъ въ состояннн все знать? и что такъ занимаетъ васъ дорога, которую будетъ проходить безсмертіе, коль скоро мы ручаемся вамъ за несомнѣнность безсмертія? что такъ занимаетъ васъ то, какія именно звѣзды будутъ свидѣтелями вашего странствованія, коль скоро мы увѣряемъ васъ въ величественномъ странствованнн по мірамъ? Нужно оставлять въ сторонѣ вещи второстепенныя, а обращать вниманнн на главное.»

Ничто однакоже не можетъ менѣе успокоивать насъ, какъ эта вѣчность, странствующая по неизвѣстнымъ пространствамъ. Я уже выше приводилъ вамъ слова Фомы Авинейскаго, вполне согласныя съ здравымъ смысломъ, что врожденное наше желаннн вовсе не состоитъ въ странство-

ваніи ради самаго странствованія, но въ достиженіи цѣли посредствомъ странствованія; а это вѣчное путешествіе въ основаніи своемъ есть только вѣчное отчаяніе. Впрочемъ оставимъ ужь это лучше въ покоѣ; тутъ вовсе не идетъ рѣчь объ опроверженіи системъ, а только объ ихъ сравненіи, ознакомленіи и перечисленіи, ваше же терпѣніе показываетъ, что уже и этого достаточно.

Представляется другой вопросъ, который стоитъ нѣсколько того, чтобы обратить на него вниманіе. Дѣло въ томъ, что мы хотимъ узнать, подъ какими условіями имѣютъ увѣковѣчиться обновленныя въ девятнадцатомъ столѣтіи метемпсихозы т. е. переселенія душъ. Но и здѣсь опять, что за разнообразіе! какія подчасъ смѣшныя мечты! Не говорю уже о тѣхъ, которые въ отищеніе за гордость прошедшей жизни ссылаютъ душу на какую-то степень животности; которые душу, запятанную преступленіями переводятъ изъ одного животнаго въ другое, или же велятъ ей, какъ бы въ награду за заслуги, переходить изъ низшаго животнаго въ высшее; мы упоминаемъ только о тѣхъ, которые еще на столько себя цѣнятъ, что не хотятъ никогда, ни передъ смертію, ни послѣ нея, упасть ниже человѣка. Оставимъ всѣ метемпсихозы древнія: индійскія, греческія или римскія, и остановимся только надъ усовершенствованною метемпсихозою нынѣшнихъ Пифагоровъ, — хочу говорить здѣсь о метемпсихозѣ, определенной сферою человѣчества. Итакъ, говорятъ, по смерти ты еще оживешь и въ образѣ человѣка появишься снова среди того же человѣчества, которое постоянно умираетъ и вѣчно возвращается. Допустимъ, что мы уже согласны съ этимъ; но даже въ этомъ предположеніи, которое вольно считать каждому довольно удовлетворяющимъ, ужели думаете, что наши пророки согласны

относительно откровения о предназначении, явившагося въ ихъ головахъ? Нисколько. Воротишься ли ты на это зрѣлище жизни въ томъ самомъ лицѣ, или похожемъ, или же въ другомъ, совершенно отличномъ отъ прежняго? — Можетъ быть. А если, переходя изъ вѣка въ вѣкъ, ты объжишь болѣе или менѣе широкій кругъ поочередныхъ назначений, покажешься ли снова на сценѣ жизни въ той же самой роли, или же въ другой — противоположной? Если, допустимъ, въ древней Греціи ты былъ какимъ нибудь Сократомъ или Платономъ, то придешь ли опять въ новыя Аѳины преподавать уроки нравственности и философіи? будетъ ли изъ тебя человѣкъ трудолюбивый, работающій на пользу другихъ — коль скоро ты когда-то посвящалъ себя въ Академіи наукамъ и ученымъ изысканіямъ?... А мы, господа, покажемся ли снова въ нашей родинѣ? Доведется ли намъ еще послѣ путешествія втеченіи какихъ нибудь милліоновъ лѣтъ снова возвратиться сюда, — мнѣ для проповѣданія, вамъ — для слушанія поученій въ семъ храмѣ Богоматери? или же роли наши перемѣнятся? буду ли я имѣть удовольствіе усѣсться тамъ, гдѣ теперь вы, и придется мнѣ слушать кого либо изъ васъ, а онъ взойдетъ сюда, — на мое мѣсто и будетъ трудиться надъ обращеніемъ меня и возведеніемъ на нѣскольکو ступеней къ тому идеалу, за которымъ мы гонимся въ общемъ нашемъ странствованіи? Все это, какъ утверждаютъ единогласно, осталось еще нерѣшеннымъ на великомъ соборѣ человѣческаго разума. Есть такіе, которые до того здѣсь уносятся, что говорятъ, будто мы опять родимся на этой землѣ въ образѣ *новаго младенца*. Но пророки наши вообще чѣмъ мудрѣе, тѣмъ осторожнѣе въ своихъ предвозвѣстіяхъ. Они ничего не отвѣчаютъ, и удерживаются или же говорятъ, что такія подробности сами по себѣ мало за-

нимаютъ предназначеніе человѣка, и что все это ничтожные вопросы въ виду великаго основанія означенной метемпсихозы и въ виду возвышенной теоріи загробнаго странствованія.

Но опять вопросъ: сохранимъ ли мы тожество своей личности вмѣстѣ съ сознаниемъ и воспоминаніемъ о прошедшемъ бытіи? или же вмѣстѣ съ индивидуальнымъ тожествомъ должны будемъ потерять и познаніе своихъ предыдущихъ странствованій и заново начать опыты жизни, какъ будто бы мы никогда и не жили? Если опять личность наша имѣетъ продолжаться, то въ этихъ разнообразныхъ проявленіяхъ сохранить ли она одинъ и тотъ же видъ? или же будетъ переходить отъ перемѣны къ перемѣнѣ, отъ преображенія къ новому преобразенію? Одни говорятъ да, — другіе нѣтъ —. Почему жъ—да, почему нѣтъ? Тутъ все отцы великаго философскаго собора поглядываютъ другъ на друга и говорятъ между собою: «Дѣйствительно, братіе, предметъ этотъ несовсѣмъ выясненъ, не достаесть еще точнаго опредѣленія относительно этого темнаго пункта, а потому пускай себѣ человѣчество думаетъ, что ему угодно!..

Но мы не отступаемъ, усиливаетъ свое любопытство до того, что дѣлаемъ докучливы, потому что желаемъ знать, будутъ ли въ той жизни, которая смѣнитъ нашу настоящую жизнь, будутъ ли опять души соединены съ тѣлами? и если будутъ, то спрашиваемъ, какого свойства имѣютъ быть эти тѣла, какимъ родомъ жизни они будутъ жить тогда и какія будутъ условія совершенствованія нашихъ умственныхъ силъ? Нужно признаться, что вопросы эти имѣютъ свой вѣсъ и вовсе не могутъ считаться однимъ лишь философскимъ любопытствомъ.

Христіанскій догматъ относительно всего этого очень я-

сень и выразителенъ. Онъ говоритъ: *Чаю воскресенія мертвыхъ*, или что тоже: я вѣрую и надѣюсь, что неотступный спутникъ моей души будетъ никогда на землѣ также соучастникомъ ея наслажденій въ покоѣ вѣчнаго отечества. Но какая жалость беретъ, когда видишь учениковъ странствующаго безсмертія раздѣленными на всѣхъ пунктахъ! «Я, говоритъ одинъ, думаю, что въ будущей жизни душа будетъ соединена съ тѣломъ наново: когда уже кончится возможный для единицы періодъ органическаго бытія, тогда негодный болѣе къ употребленію организмъ обратится въ общую массу стихій, а душа найдетъ другой, совершеннѣйшій.» Но понимая предметъ глубже, другой говоритъ: «нельзя не согласиться, что для того чтобы Богъ зналъ и любилъ насъ, а также взаимно, чтобы мы равнымъ образомъ познавали и любили Его, *быть можетъ* намъ тѣло и ненужно.» Это *быть можетъ* очень наивно звучитъ въ устахъ провозвѣстника будущности; тѣмъ не менѣе оно не мѣшаетъ ему порѣшить: что «какъ въ томъ было бы противурѣчіе, если бы во вселенной находилось хоть одно существо само по себѣ несложное и поистинѣ объединенное, такъ точно было бы противурѣчіе и въ томъ, чтобы твореніе могло быть безъ тѣла.» «Господа, говорятъ опять третій, то что вы проповѣдуете — совершенно возможно, но будетъ ли душа въ своемъ загробномъ странствованіи имѣть своимъ спутникомъ тѣло, также какъ имѣетъ его въ настоящей жизни,—этого вы также точно не знаете, какъ и я. Душа не умираетъ,—пока только это намъ извѣстно, остальное все есть предположеніе если не грезы. Будемъ философами, сумѣемъ лучше когда нужно усомниться, но не будемъ утверждать ничего болѣе кромѣ того, что знаемъ».

Но допустимъ наконецъ здѣсь, что философія объ этомъ знаетъ то, чего она на самомъ дѣлѣ не знаетъ и знать не можетъ; допустимъ, что личность наша будетъ продолжаться въ вѣчности, что она сохранитъ за гробомъ сознание себя и что тѣло наше будетъ сопутствовать душѣ въ этой странствующей загробной жизни, все-таки однакожь еще неизвѣстно, что это за странствованіе; будетъ ли оно имѣть свой предѣлъ и какой? это вѣчное путешествіе будетъ ли испытаніемъ или же продолженіемъ развитія? будетъ ли тамъ человѣкъ переходить отъ радости къ страданію и отъ страданія къ радости, или переносясь изъ веселія въ веселіе, отъ величія въ величіе, отъ счастья въ счастье онъ будетъ расти въ непрерывномъ и неограниченномъ совершенствованіи? будетъ ли наконецъ странствующее человечество перебѣгать рядъ поочереднаго пониженія и возвышенія, или же пойдетъ путемъ все высшимъ и высшимъ?... Между современными мыслителями, которые уже высказались относительно этого важнаго пункта, я знаю одного, который принялъ первое изъ этихъ предположеній; знаю другаго принявшаго второе, знаю и третьяго, который идеаломъ нашего предназначенія поставилъ Танталовы мученія, положительно признавая, что душа принуждена будетъ вѣчно стремиться къ тому, чего никогда не достигнетъ.

Что касается того, будетъ ли душа человѣческая, исполняя свое безконечное странствованіе, строго держаться пути круговаго или спиральнаго не имѣющаго конца не переставая въ тоже время при мнимыхъ отступленіяхъ возвышаться къ безконечности, то согласитесь, что тутъ нѣтъ нужды слишкомъ останавливаться надъ этой астрономіей душъ, этимъ недѣльнымъ подражаніемъ астрономіи тѣлъ небесныхъ, этими грезами болѣзненныхъ мозговъ, силащихся

заставить духовъ, чтобы они въ своемъ развитіи шли по движеніямъ матеріи и солнечнымъ оборотамъ.

Я уже воздерживаюсь отъ дальнѣйшаго исчисленія предположеній, мнѣній или лучше заблужденій, изобрѣтенныхъ или же воскрешенныхъ ученіемъ и философіей рационалистовъ для разрѣшенія великой загадки нашего предназначенія. Можете безъ конца умножать вопросы, ставить предположенія за предположеніями, и однакожь никогда не исчерпаете всего запаса системъ, измышленныхъ съ цѣлью разрѣшенія этой загадки.

Спрашиваю теперь, въ виду такого безчисленнаго множества рѣшеній, изъ коихъ одни находятся въ большемъ или меньшемъ противурѣчій съ другими, какимъ образомъ рационализмъ, представляющій намъ это явленіе, болѣе жалкое чѣмъ смѣшное, осмѣливается съ такою дерзостію и съ такимъ самоувѣреніемъ противопоставлять себя христіанскому догмату о предназначеніи человѣка? Основанный на догадкахъ, на предположеніяхъ и грѣзахъ, откуда онъ набралъ смѣлости унижать нашу тайну жизни вѣчной, насмѣхаться надъ нашимъ небомъ и подшучивать надъ адомъ? Коль скоро вы имѣете однѣ лишь догадки, то какъ смѣете безъ уваженія относиться къ достовѣрно извѣстному? Ужели вы можете надѣяться, что человѣчество удовлетворится сомнительными предположеніями, подтвержденными клеветою? Ужели забываете, что относительно послѣдняго предѣла жизни оно прежде всего ищетъ и требуетъ не правдоподобія, а достовѣрности и несомнѣнности? Развѣ на горизонтъ своей будущности оно желаетъ только завидѣть какое-то догорающее, неясное и сомнительное свѣтило? Какого жъ отвѣта дождется оно на этотъ великій жизненный вопросъ: къ чему мы стремимся? Ужели для него достаточно будетъ перваго луч-

шаго отвѣта, рѣшенія той или другой школы, какого-то мнѣнія, чьей-то системы, какой-то философіи болѣе или менее остроумной? О, нѣтъ, очевидно нѣтъ: душа ждетъ положительной несомнѣнности въ этой необъятной задачѣ чело-вѣческой жизни. Предназначеніе — это полярная звѣзда, это ось, это точка опоры жизни; и ужели эту звѣзду, имѣющую руководить взорами людей и направлениемъ жизни чело-вѣческой можно заслонить мракомъ сомнѣнія? можно ли позволить, чтобы эта ось потрясалась отъ дуновенія всякихъ мнѣній? можно ли точкою опоры для жизни избрать скептицизмъ? Какъ можно при этомъ обречь себя на то, чтобы непрерывно идти все впередъ и потомъ наконецъ об-водя взглядомъ сомнѣнія сумрачный горизонтъ сказать къ самому себѣ: *Быть можетъ* это тамъ, туда мнѣ нужно идти?—Какъ? у этого послѣдняго предѣла, у котораго все должно остановиться, къ которому, какъ бы къ средоточ-ному пункту, должны обратиться всѣ силы, всѣ дыхающія моей души, у этой точки, возвышающейся надъ всѣмъ, у точки моей послѣдней жизни, вы поставите мнѣ вмѣсто полнаго разрѣшенія это *можетъ быть* вашей невѣдомой философіи? О, нѣтъ!..: гдѣ угодно, вездѣ если нужно, пускай себѣ будетъ предположеніе, система, правдоподобіе, но здѣсь, въ послѣднемъ предѣлѣ моего предназначенія и вошю со всей глубины моего существа: мнѣ нужно здѣсь достовѣрности, догмата, непреложности.

А между тѣмъ, когда я перебираю ваши системы, вездѣ вижу одну лишь неточность, неизвѣстность, и когда васъ спрашиваю, то нахожу васъ самихъ посреди сомнѣній! Благо-волите же мнѣ отвѣтить, есть ли среди столькихъ разрѣ-шеній, перепробованныхъ вашими умами, хоть одно истин-ное? А если есть это одно, то кто изъ защитниковъ его

можетъ польстить себя тѣмъ, что оно останется принятымъ всеобщимъ разумомъ? Какимъ образомъ посреди этой неизвѣстности, этихъ предположеній гадательнаго ученія можно желать, чтобы эту великую задачу предназначенія разума основывалъ на догадкахъ, на мнѣннн, на вашемъ *можетъ быть* въ то время, какъ человечество въ цѣлой массѣ и разумомъ и волею и сердцемъ и всѣми силами души требуетъ чего-то опредѣленнаго точнаго, — однимъ словомъ, догматическаго? Бросьте, господа, бросьте въ такомъ положительномъ пунктѣ это жалкое рѣшеніе, полное сомнѣній и догадокъ; или же по крайней мѣрѣ, въ ожиданіи пока наука и новая философія не представитъ о человеческомъ предназначеніи того исповѣданія вѣры, которое намъ всегда общаесть, надъ которымъ трудится безпрерывно и котораго никогда не можетъ окончить, прошу васъ, по крайней мѣрѣ на это время, для спокойствія умовъ, для утѣшенія сердець и спасенія душъ вашихъ, опритесь на ученіи яснымъ и символъ опредѣленномъ и вмѣствъ съ нами, то-есть со всѣмъ христіанскимъ міромъ, взирая на будущее, повторите: «вѣрую въ жизнь будущаго вѣка; да, вѣрую въ будущій покой моей души на лонѣ Того, Который вѣченъ и безсмертенъ.

Перев. В. Г.—ш.

ДРЕВНІЯ ЦЕРКОВНЫЯ ЗАПРЕЩЕНІЯ (ЭПИТИМІИ) И НОВЫЯ ПАПСКІЯ ПРОЩІ (ИНДУЛЬГЕНЦІИ).

Вселенская Церковь Христова, пріявъ отъ своего Домовладыки и Господа право вязать, и рѣшить, право суда и власти *), всегда пользовалась этимъ правомъ, сообразуясь съ истинными духовными потребностями чадъ своихъ. Она съ самыхъ первыхъ временъ своихъ не разрѣшала только ихъ, но и употребляла мѣры исправленія, иногда очень горькія для душевнаго человѣка, которыя издревле назывались на Востокъ запрещеніями, или эпитиміями **). За грѣхи тяжкіе всегда она вразумляла заблуждавшихъ чадъ

*) Мате. 18. 17, 18. Иоан. 21. 16.

**) Эпитимія—укореніе, обличеніе и запрещеніе, какъ исправительное наказаніе. Такъ какъ эпитиміи, служа укореніемъ и обличеніемъ для грѣшника, состояли по преимуществу изъ запрещеній того, чего онъ былъ недостоинъ, наприм. общенія съ вѣрными, принятія Св. Таинъ Христовыхъ; то онѣ обыкновеннѣе всего и называются запрещеніями. Поелику же онѣ налагаются вслѣдствіе осужденія грѣшника его собственною совѣстію и судомъ Церкви, лишаютъ его той чести и правъ, какія онъ имѣлъ до паденія, и должны возбуждать горькое чувство печали, то въ этомъ смыслѣ называются еще наказаніями, имѣющими цѣлю исправленіе грѣшника. Наказанія же карающія за тяжкіе грѣхи какъ за преступленія уголовныя, всегда принадлежали власти гражданской, хотя и предваряемы были судомъ церковнымъ. По предположенной цѣли сочиненія, мы будемъ имѣть въ виду собственно церковныя мѣры исправленія, соединенныя съ покаяніемъ, не вдаваясь въ изслѣдованіе наказаній, какъ слѣдствій суда Церкви въ союзъ съ государствомъ и дѣйствій власти государственной, охраняющей благо Церкви, какъ благо общее.

своихъ, строго судила преступныхъ и непокорныхъ. Но въ семь случаевъ, когда послѣдніе являли несомнѣнное раскаяніе и обращались къ Святой Церкви съ искреннею покорностію-глубокимъ самоосужденіемъ и усерднымъ моленіемъ о прощеніи, представляя такимъ образомъ надежное ручательство за свое исправленіе, она смягла мѣры вразумленія, или и совсѣмъ прекращала ихъ, какъ болѣе ненужныя.

Но Церковь Римская, вмѣстѣ съ развитіемъ самоволія и самовластия Папъ, начала мало по-малу употреблять особыя прощенія и разрѣшенія грѣшниковъ, — разрѣшенія не за внутреннее сокрушеніе и нравственные подвиги, требуемые древними обычаями и правилами Вселенской Церкви для дѣйствительнаго исправленія кающихся, а за выполненіе чисто внѣшнихъ условій, назначаемыхъ Папами по произволу, по своекорыстнымъ расчетамъ, и наконецъ просто за деньги. Не смотря на то, что такія разрѣшенія или прощія, названныя индульгенціями *, принадлежали къ числу произвольныхъ папскихъ нововведеній, которыя отдѣлили Римскую Церковь отъ Вселенской Православной Церкви, онѣ въ продолженіе многихъ вѣковъ имѣли удивительно обширное употребленіе во всѣхъ странахъ католическихъ и оказали огромное влияние на многія происшествія въ мірѣ церковномъ и гражданскомъ. Прощія доставляли Папамъ неистощимыя средства для самыхъ затѣливыхъ предпріятій и послужили вѣрными пособіями и опорами для самаго смѣлаго и неустойчиваго возвышенія ихъ. Но въ свое время прощія же указали предѣлы папскихъ узурпацій, вызвали и какъ бы уполномочили рѣшительное и широкое движеніе къ по-

*) Indulgentia — списхождение, послабленіе, поблжка, прощеніе.

стыдному униженію Папъ, постепенному ограниченію ихъ своеволія и даже совершенному отверженію ихъ власти и всѣхъ учрежденій въ значительныхъ частяхъ папства по всей землѣ. Самы Папы устыдились того безобразія, до котораго доведено употребленіе прощъ и ученіе о нихъ. Но вынужденные отступать назадъ, они не могли и не могутъ однакожь отказаться совершенно отъ своего пресловутаго, средневѣковаго изобрѣтенія безъ разрушенія всего зданія папизма, — и прощъ, привлекательныя для народа по своей видимой снисходительности, не перестаютъ и теперь оболащать тѣхъ, которые или вовсе незнакомы съ ихъ исторіею, или читали ее въ сочиненіяхъ, писанныхъ жаркими защитниками всѣхъ папскихъ учрежденій.

Такимъ образомъ прощъ, имѣющія такое значеніе въ исторіи, должны представлять явленіе, очень не лишнее историческаго интереса, — явленіе, которое должно было возникнуть и развиваться съ постепенностію въ свое опредѣленное время. Если бы прощъ явились вдругъ въ томъ своемъ видѣ и значеніи, какихъ онѣ достигли впоследствии, когда нецѣлность ученія о нихъ и злоупотребленіе ими сдѣлались нестерпимыми; то онѣ конечно не могли бы имѣть большаго успѣха и даже тотчасъ могли быть вовсе отвергнуты народомъ. Но онѣ вкрались, такъ сказать, незамѣтно и развились въ своемъ значеніи послѣдовательно по мѣрѣ подготовки къ нимъ на западѣ общественнаго мнѣнія другими понятіями и предразсудками мѣстнаго или папскаго направленія, и, притомъ, нерѣдко при особыхъ важныхъ обстоятельствахъ, предрасполагавшихъ къ нимъ общее сочувствіе.

Начальное введеніе прощъ, какъ разрывительныхъ папскихъ грамотъ, назначенныхъ за внѣшнія дѣла безъ отношенія къ внутреннему сокрушенію грѣшниковъ и исправле-

нію жизни, принадлежит Папъ Льву III, жившему въ началѣ IX вѣка. Но первый важный шагъ къ такимъ прощамъ приписываютъ западные писатели Папъ Григорію I, жившему еще въ VI вѣкѣ, который, по случаю общественнаго бѣдствія, въ назначенные имъ особые дни, послѣ особенно трогательнаго Богослуженія и общей исповѣди, давалъ кающимся торжественное разрѣшеніе. Это послѣднее дѣйствіе очевидно представляетъ нѣкоторое видоизмѣненіе того разрѣшенія, которое издревле даваемо было епископами лицамъ приносившимъ публичное покаяніе съ исполненіемъ назначенныхъ эпитимій, какъ и вообще употребленіе прощъ западные писатели стараются основывать на древнихъ примѣрахъ публичныхъ епископскихъ разрѣшеній. Дѣйствительно, торжественная проща Григорія Великаго была принята безъ неблагопріятныхъ толковъ и недоумѣній, и, повидимому, не представлялась какимъ либо, по крайней мѣрѣ, особеннымъ нововведеніемъ. Однакожъ изъ точнѣйшаго соображенія открывается, что этому послужили особенныя тогдашнія обстоятельства, о коихъ будетъ сказано ниже; а на самомъ дѣлѣ проща Григорія Великаго была дѣйствительнымъ нововведеніемъ и едва ли не существенно отличалась отъ древнихъ епископскихъ разрѣшеній. Изъ краткаго обзоренія древняго употребленія сихъ послѣднихъ, которое мы теперь сдѣлаемъ, само собою будетъ видно существенное отступленіе отъ духа и смысла ихъ, допущенное Папою Григоріемъ, и совершенное измѣненіе и превращеніе ихъ, развившееся при послѣдующихъ Папахъ въ употребленіи прощъ.

Се здравъ еси: къ тому не сойршай, да не горше ти что будетъ ¹⁾. Такъ, между прочимъ, Самъ Глава Святой Церкви Своей Господь Иисусъ Христосъ явилъ ве-

¹⁾ Иоан. 5, III.

ликий примѣръ и неизреченнаго милосердія Своего къ грѣшнику, и строгаго вразумленія и предостереженія ему на будущее время, когда исцѣлилъ страдавшаго разслабленіемъ 38 лѣтъ и не имѣвшаго во все это время чловѣка, который бы погрузилъ его въ купель исцѣленія. Не ясно ли, что тяжкая болѣзнь несчастнаго была естественнымъ послѣдствіемъ тяжкаго грѣха, что вѣсть съ тѣмъ, по премудрому промыслу Господа она продолжалась столько времени, какъ единственная дѣйствительная мѣра, какъ естественная, такъ сказать, эпитимія, необходимая для того, чтобы страдалецъ отвыкъ отъ пристрастія къ своему грѣху, и престаъ отъ него, *да не горше ему что будетъ*. Посему-то и по исцѣленіи сего несчастнаго милосердый Спаситель строго внушаетъ ему *къ тому не сопришати*. Это также естественное запрещеніе, но требовавшее уже свободнаго подвига отъ прощеннаго грѣшника, — подвига отнюдь не легкаго, когда вспомнимъ, что 38 лѣтъ страданій потребно было для исправленія. Въ тоже время наложенное запрещеніе должно было послужить самою дѣйствительною мѣрою для воспитанія и укрѣпленія исцѣленнаго въ отвращеніи отъ грѣха. Предостереженіе о томъ, что повтореніе грѣха подвергнетъ грѣшника горшей участи, должно было во всю жизнь послѣдняго строго звучать, такъ сказать, въ ушахъ его; онъ такъ много и тяжело страдалъ отъ грѣха, что не могъ не страшиться, за повтореніе его, горшей участи не могъ и усумниться въ неизбежности ея тѣмъ болѣе, что эта неизбежность подтверждена предостереженіемъ Самаго Господа, исцѣлившаго его. Такъ срѣтаются въ дѣлахъ Господа милость и истина; такъ онѣ же должны дѣйствовать и въ Святой Церкви Его для спасенія вѣрующихъ во вѣки вѣковъ.

И вотъ: въ самомъ началѣ спасительныхъ дѣйствій осно-

ванной Господомъ Церкви и уполномоченной ко спасенію и освященію вѣрующихъ, Св. Апостоль Павелъ являетъ въ себѣ и строгаго обличителя, запретителя и судію, и кроткаго наставника, защитника и ходатая по отношенію къ чадамъ Церкви. Такъ онъ строго угрожаетъ Коринѣянамъ поступить съ ними безщадно по власти, данной ему отъ Господа ², повелѣваетъ Солуніянамъ отлучаться отъ всякаго брата, безчинно ходящаго и не примѣшаться къ тѣмъ, которые не слушаютъ словесъ его ³), передаетъ грѣшника Коринѣскаго сатанѣ во изможденіе плоти, да духъ спасется ⁴). Но въ то же время Апостоль Христовъ дышетъ и любовію къ паствѣ своей. Повелѣвая Солуніянамъ отлучаться отъ всякаго брата, безчинно ходящаго, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ заповѣдаетъ: *и не аки врага имѣйте его, но наказуйте яко же брата* ⁵). Узнавъ о раскаяніи Коринѣскаго грѣшника, онъ снова пріемлетъ его, и не только самъ прощаетъ, но проситъ сдѣлать то же и всѣмъ другимъ: *довольно бо таковому, говорить онъ, запрещеніе: сіе еже отъ мношазъ: тѣмъ же сопротивное* (противоположное сему,—то есть—извиненіе, прощеніе), *паче вы да даруете и утѣшите, да не како многую скорбію пожереть будетъ таковыи. Тѣмъ же молю вы, утвердите къ нему любовь* ⁶). Подобнымъ образомъ поступилъ и Апостоль Іоаннъ. По свидѣтельству Климента Александрійскаго ⁷), онъ съ любовію прінялъ и возвратилъ Церкви впадшаго въ разбойники юношу, какъ скоро послѣдній принесъ искреннее раскаяніе.

Такой образъ дѣйствованія Святой Церкви по отношенію

²) 2 Коринѣ. 13, 10; ³) 2 Солун. 3, 16—14; ⁴) 1. Коринѣ. 5, 5; ⁵) 2 Солун. 3, 5; ⁶) 2 Коринѣ. 2, 6—8; ⁷) Евсев. кн. 3 Ист. Церк. гл. 23.

къ грѣшникамъ вскорѣ послѣ временъ Апостольскихъ, по мѣрѣ умноженія христіанъ, опредѣляется точнѣе утверждающимися обычаями и правилами. Общимъ обычаемъ и правиломъ въ Святой Церкви Христовой было: «не отвергать никого изъ обращающихся отъ грѣховъ ⁸⁾, и, хотя правильно связанный однимъ не разрѣшается другимъ, но при смерти положено разрѣшать всякаго кающагося ⁹⁾ даже связаннаго высшею властію ¹⁰⁾. Для сего, по заповѣди Апостола Іакова: *исповѣдайте другъ другу согрѣшенія и молитесь другъ за друга, яко да исцѣлите* ¹¹⁾, нужно было вопервыхъ приносить во грѣхахъ своихъ частную исповѣдь, на которой даваемы были кающемуся совѣты о мѣрахъ необходимыхъ для того, чтобы неосужденно принять разрѣшеніе и престать затѣмъ отъ исповѣданныхъ грѣховъ. «Если въ чье сердце, говоритъ Климентъ Римскій ¹²⁾, тайнымъ образомъ вкрадется или злоба, или невѣрность или другое какое зло, то пекущійся о своей душѣ да не устыдится исповѣдаться въ сеиъ настоятельно, чтобы отъ него, при помощи Слова Божія и совѣтовъ, получить исцѣленіе.» Такъ необходимо требовалось, чтобы кающіеся примирились съ обиженными ближними, по заповѣди Слова Божія ¹³⁾. О другихъ требованіяхъ и совѣтахъ можно заключать изъ слѣдующихъ словъ Тертуліана: «исповѣдь есть наставленіе, какъ смиряться и унижаться человѣку и какъ поступать, чтобы привлечь на себя милосердіе. Она заповѣдуетъ о самой пищѣ и одеждѣ, заповѣдуетъ лежать во вретнищѣ и на пеплѣ, держать тѣло въ черномъ видѣ, смирять душу сокрушеніемъ, измѣнять грѣхи печальными помыслами: впрочемъ исповѣдь научаетъ, что брашно и питіе чисты, то-есть

⁸⁾ Апост. Прав. 52; ⁹⁾ Никейск. Собор. Прав. 3; ¹⁰⁾ Кареог. Соб. пр. 52; ¹¹⁾ Іак. 5: 16; ¹²⁾ Epist. ad Iacob. ¹³⁾ Матѣ. 5: 23, 24.

не для чрева, а для души. Исповѣдь по большей части заповѣдуетъ питать молитву пощеніемъ, вздыхать, плакать, день и ночь вопіять ко Господу Богу Твоему, преклонять колѣна (во время покаянія публичнаго) предъ пресвитерами и возлюбленными Божиими и просить за себя молитвъ у всѣхъ братій. Все это заповѣдуетъ исповѣдь, чтобы расположить къ покаянію» ¹⁴⁾. Отсюда открывается, между прочимъ, и то, что на частной исповѣди предлагались совѣты принести въ иныхъ грѣхахъ покаяніе публичное и вмѣстѣ даваемы были наставленія, какими подвигами оно должно было сопровождаться. Въ случаѣ извѣстныхъ грѣховъ, древніе христіане и сами испрашивали у священника совѣта, рѣшаться ли имъ на открытое торжественное покаяніе. Оригенъ говорить: «сыщи врача, коему ты долженъ повѣдать причину немощи и который умѣлъ бы немоществовать съ немощнымъ, плакать съ плачущимъ, соболѣзновать и сострадать съ нимъ, и, что онъ скажетъ и присоветуетъ, — то дѣдай и исполняй: если онъ найдетъ слабость твою такую, что ее должно рассказать и излечить въ собраніи всей Церкви и что это можетъ послужить къ назиданію и другихъ и къ удобному исцѣленію тебя самаго; то должно воспользоваться столь обдуманнѣмъ и искуснѣмъ совѣтомъ такого врача ¹⁵⁾». Вмѣстѣ съ тѣмъ издревле опредѣлены были Писаніемъ и предашемъ грѣхи тяжкіе, каковы всѣ главные и коренныя грѣхи прямо и непосредственно нарушающіе какую либо изъ десяти заповѣдей Божіихъ. Въ такихъ грѣхахъ, въ особенности когда они были, или дѣлались явными и производили въ Церкви соблазнъ требовалось непременно строгое покаяніе публичное. Когда же и эти грѣхи

¹⁴⁾ Тертул. о покаян. гл. 9; ¹⁵⁾ Ориг. Бесѣд. 2 на псал. 37 (том I стран. 293. Пар. 1604).

оставались тайными, и въ особенности когда открытіе ихъ могло быть обращено не въ общее назиданіе, а въ предметъ злорѣчія и неуваженія къ кающемуся ближнему, иногда же повело бы другихъ даже къ преступленіямъ, Церковь довольствовалась исповѣдію частною или тайною. Такъ, напр., въ 34 правилъ Василія Великаго запрещается священникамъ объявлять грѣхъ жены, признавшей на исповѣди въ прелюбодѣянн, дабы мужъ узнавъ о преступленіи своей жены не посягнулъ въ пылу гнѣва на убійство ея. Еще съ конца III вѣка покаяніе вообще начало принимать болѣе характеръ частной исповѣди по поводу, главнымъ образомъ, появленія ереси Новаціанъ, учившихъ, что впадшихъ въ тяжкіе грѣхи послѣ крещенія разрѣшать не должно, и потому презиравшихъ христіанъ, приносявшихъ въ тяжкихъ грѣхахъ публичное покаяніе. А съ IV вѣка, когда тяжкія преступления нравственныя и явныя преступленія противъ вѣры стали карать законъ гражданскій, принявшій Церковь подъ свою защиту, стало менѣ случаевъ къ употребленію въ церкви открытыхъ и строгихъ мѣръ исправленія, да и прочіи страхъ имуть, ибо Церковь издревле слѣдовала правилу: «не отомстиши дважды за едино»¹⁶⁾. Когда же согрѣшившій желалъ или обязался принести открытое покаяніе, его допускали къ тому чрезъ возложеніе рукъ. Съ половины третьяго вѣка являются уже опредѣленными и публичныя эпитиміи. Онѣ имѣли четыре главныя степени. На низшей степени были *плачущіе*, кои стоявши въ притвора церковнаго, просили молитвъ о себѣ у входящихъ въ церковь. Вторую степень занимали *послушающіе*, стоявшіе близъ дверей церковныхъ и слушавшіе Богослуженіе и поученія. Стоявшіе на третьей степени назывались *припадающими*, —

¹⁶⁾ Апост. прав. 25.

ихъ мѣсто было внутри храма, и они въ известное время припадали къ епископу, для полученія отъ него благословенія, а потомъ вмѣстѣ съ оглашенными выходили изъ церкви. На четвертой степени были *стоящіе съ вѣрными* до самаго окончанія литургіи, но не приступавшіе съ ними къ причащенію ¹⁷⁾. Проходя сіи степени, кающіеся должны были упражнять и укрѣплять себя въ смиреніи какъ общими, уже указанными нами, подвигами покаянія, наприм. постомъ, молитвою и под., такъ и особенными, исключительно для нихъ назначавшимися. покаянными выраженіями и зачатіями. Такъ иногда они посыпали пепломъ главу ¹⁸⁾, остригали на ней волосы ¹⁹⁾, должны были удерживаться отъ умовеній, пиршествъ ²⁰⁾, брачнаго ложа ²¹⁾; обязывались соблюдать всѣ, безъ исключенія, праздники и торжества церкви, и во все время поста быть въ церкви и принимать возложеніе рукъ отъ священника, а такъ же молиться съ коленнопреклоненіемъ во всѣ праздники, не исключая и дней Пятидесятницы ²²⁾, и въ особенности являть дѣла милосердія къ бѣднымъ ²³⁾; наконецъ въ нѣкоторыхъ церквахъ (напр. Африканскихъ) они должны были выносить и погребать умершихъ ²⁴⁾.

Всѣ такіе подвиги покаянія кающіеся должны были нести столько времени, сколько назначено было Церковію, судя по тяжести грѣховъ и положенныхъ за оныя правилами и обычаями Церкви сроковъ покаянія, которые простирались иногда до 10, 15 и 20 лѣтъ, а иногда и на всю жизнь.

¹⁷⁾ Григор. Неокес. прав. 12; и Начертан. Цер. Истор. Иннок. вѣк. III. Благочиніе Церкви. ¹⁸⁾ Евсев. кн. 5, гл. 28. ¹⁹⁾ Амвросій къ падшей дѣвѣ гл. 8. ²⁰⁾ Созом. книг. 7, гл. 6. ²¹⁾ Герон. толк. на Іовл. гл. 2. ²²⁾ IV Карѣ. прав. 80 и 82. ²³⁾ Кипріянь о падшихъ. ²⁴⁾ IV Карѣ. прав. 81.

Впрочемъ съ самыхъ временъ Апостольскихъ сроки пока-
нїя были перѣдко и сокращаемы по усмотрѣнїю пастырей
Церкви и въ особенности ради свидѣтельства о раскаянїи
и ходатайства о нихъ исповѣдниковъ. Тертуллианъ, описы-
вая это, говоритъ, что «падшіе не имѣющіе мира въ церкви,
обыкновенно испрашивали его въ темницахъ у мучениковъ²⁵⁾.
Святой Кипріанъ писалъ объ этомъ обычай во многихъ мѣ-
стахъ своихъ сочиненій²⁶⁾: онъ и самъ снисходилъ къ
падшимъ по просьбѣ исповѣдниковъ и другимъ совѣтовалъ
дѣлать тоже по уважительнымъ причинамъ, напр. въ случаѣ
болѣзни, или смертной опасности падшихъ, и особенно въ
случаѣ раскаянїя. Но въ тоже время Святой Кипріанъ стро-
го наблюдаетъ, чтобы падшіе не дерзнули злоупотреблять
человѣколюбіемъ исповѣдниковъ, не стали обманывать ихъ
лицемѣрнымъ изъявленїемъ раскаянїя, не успѣвъ еще доста-
точно укрѣпиться противъ грѣховъ своихъ, и такимъ обра-
зомъ не восхищали разрѣшенїя недостойно, не въ пользу себѣ,
а только во вредъ и осужденїе.» По ходатайству мучени-
ковъ, говоритъ онъ, можно прощать наказанїе, но какому
грѣшнику? — Кающемуся, трудящемуся, просящему..., ко-
торый будетъ творить молитвы отъ всего сердца, плакать
истиннымъ плачемъ и слезами покаянїя, упражняться посто-
янно въ благихъ дѣлахъ,—надъ такимъ грѣшникомъ можетъ
умилосердиться и Богъ сказавшій: *не хочу смерти грѣш-
ника, но еже обратится и живу быти ему*»²⁷⁾ По-
сему онъ усердно просилъ самыхъ исповѣдниковъ посту-
пать съ полною разборчивостїю и осторожностїю въ хода-
тайствѣ своемъ за падшихъ. «Когда вы, писалъ онъ къ
нимъ, пришлете ко мнѣ письма, въ которыхъ будете про-

²⁵⁾ Тертул. къ исповѣд. гл. 1. ²⁶⁾ О падшихъ стр. 98.— Пись-
ма 18, 19 и друг. ²⁷⁾ въ кн. о падшихъ— въ концѣ.

ситъ мира для падшихъ;... желанія и прошенія ваши исполнять епископы. Но я прошу васъ и молю... взвѣшивайте съ заботою и осторожностію желанія просящихъ, смотрите и на дѣло, и на старанія, и на заслуги каждаго, не опускайте изъ вниманія рода и качества ихъ грѣховъ,... такъ же означайте поименно тѣхъ, коимъ желаете дать миръ» ²⁸⁾. И такъ, сколь не достохвальны были подвиги кающихся при темницахъ исповѣдниковъ, гдѣ они сами могли иногда подвергнуться опасности, какъ ни досточтимо было стараніе ихъ пріобщаться хотя нѣскольکو страданіямъ за Христа сокрушеніемъ о грѣхахъ своихъ и пролитіемъ слезъ покаянія на мѣстахъ заключенія мучениковъ за имя Христово и предъ лицемъ ихъ, и наконецъ какъ ни благоговѣнно было вниманіе и уваженіе къ желаніямъ и ходатайствамъ исповѣдниковъ у такихъ пастырей, каковъ былъ Святой Кипріанъ; однако сей же Святой Отець не упускалъ изъ вида, что можетъ быть большое различіе между добровольнымъ и уединеннымъ самоосужденіемъ падшихъ предъ лицемъ исповѣдника, и между назначеннымъ отъ церкви и открытымъ смиреніемъ и приниженіемъ ихъ предъ взорами всѣхъ вѣрующихъ, — между усмотрѣніемъ одного исповѣдника, иногда не знающаго или всѣхъ обстоятельствъ грѣха, за который осужденъ кающійся, или его прежней жизни и устарѣлыхъ привычекъ, или настоящаго его поведенія во всемъ быту его и между всестороннимъ наблюденіемъ за кающимся всей Церкви и общимъ, гласнымъ признаніемъ въ немъ истиннаго раскаянія и вѣрной надежды исправленія. Посему Святой Кипріанъ не преминулъ употребить пужныя мѣры предосторожности, чтобы разрѣшеніе кающихся ради ходатайства за нихъ исповѣдниковъ непремѣнно утвер-

ждалось на основаніи дѣйствительнаго ихъ раскаянія и истиннаго усердія къ подвигамъ благочестія, заявленнымъ при темницахъ мучениковъ, а не восхищалось за какія либо только вишнія заслуги. Туже заботливость о дѣйствительномъ исправленіи кающихся и истинномъ примиреніи ихъ съ Богомъ, Церковію и собственною совѣтію, продолжаютъ разъяснять и предписывать послѣдовавшіе затѣмъ великіе Соборы, утверждая за епископами, какъ главными блюстителями церковной дисциплины и распорядителями общими дѣлами Церкви, преимущественное право и обязанность наблюдать, чтобы каноническія запрещенія были понимаемы и соблюдаемы непременно какъ мѣры для укрѣпленія падшихъ въ искреннемъ раскаяніи, ради котораго только одного они не вотще принимали бы разрѣшеніе. Въ такомъ смыслѣ постановилъ опредѣленіе первый же изъ Соборовъ, правила которыхъ имѣютъ вселенскую силу, — именно Соборъ Анкирскій, первый помѣстный (бывшій въ 314—315 г.) утвержденный на IV и VI Вселенскихъ Соборахъ. «Епископы, — говорятъ отцы сего Собора, имѣютъ власть, испытавъ образъ обращенія, челоуколюбствовать, или большее время покаянія приложить». Но вотъ и обязанность: «паче же всего, прибавляютъ Отцы, да испытуется житіе предшествовавшее искушенію и послѣдовавшее за онымъ, и тако да размѣрится челоуколюбіе ²⁹⁾. Первый Вселенскій Соборъ (325 г.) постановилъ подобное опредѣленіе отъ своего лица». Тѣ, — говоритъ Святой Соборъ, — которые плачемъ и слезами, терпннемъ или добрыми дѣлами, самымъ дѣломъ докажутъ непритворность своего обращенія, тѣ исполнивши опредѣленное время слушанія, пусть получаютъ общеніе съ вѣрными въ молитвѣ; а послѣ епископу можно

29) Анкир. Соб. пр. 5.

будеть поступать съ ними и снисходительнѣе» ³⁰⁾. Тоже подтверждаютъ Соборы Лаодикійскій ³¹⁾ и Халкидонскій ³²⁾. Согласно съ сими опредѣленіями Святые Отцы Церкви единодушно ищутъ дѣйствительнаго раскаянія грѣшниковъ и для него только желаютъ и требуютъ покаянныхъ подвиговъ, употребляютъ запрещенія полныя и сокращенныя. Святый Василій Великій говоритъ: «тотъ, кому дана отъ Бога власть вязать и рѣшить, нисколько не будетъ достоинъ осужденія, если, видя искреннее раскаяніе грѣшника, будетъ снисходителемъ къ уменьшенію возложенныхъ на него наказаній» ³³⁾. Такъ же и Святый Григорій Нисскій пишетъ: «для тѣхъ, кои прилжно будутъ стараться объ исправленіи себя и самую жизнь докажутъ возвращеніе свое къ добру, позволительно, для пользы Церкви, сокращать время слушанія и скорѣе давать общеніе» ³⁴⁾. Святый Златоустъ, отвѣчая тѣмъ, которые жаловались на долгое время, говоритъ: «я ищу не продолженія времени, а исправленія души. И такъ докажи мнѣ, сокрушалась ли, исправлялась ли она и все дѣло кончится» ³⁵⁾.

Окончимъ и мы свой очеркъ древняго употребленія въ Церкви Христовой запрещеній и разрѣшеній для кающихся грѣшниковъ, и въ заключеніе упомянемъ о способѣ примиренія ихъ съ Церковію. Онъ былъ простъ и торжественъ и состоялъ въ слѣдующемъ: грѣшникъ, публично испытанный въ искренности раскаянія и навыкъ къ добру, приводимъ былъ къ алтарю въ одеждѣ покаянія, то есть, въ власяницѣ, и тамъ, при торжественныхъ молитвахъ, въ слезахъ

³⁰⁾ I Никейск. Соб. пр. 52. ³¹⁾ Лаод. Соб. пр. 12. ³²⁾ Халкид. Соб. пр. 16. ³³⁾ Послан. къ Амфилохію прав. 74. ³⁴⁾ Канонич. послан. къ Летоію. Прав. 4. ³⁵⁾ Бесѣда 14 на 2 Коринѣ стр. 644 Франкф.

и съ возложеніемъ на него рукъ, Хбыль принимаемъ въ полное общеніе ³⁶⁾.

Если, для заключительнаго убѣжденія въ представленномъ нами древнемъ значеніи публичныхъ запрещеній и разрѣшеній грѣшниковъ, не излишне показать содержаніе самыхъ разрѣшительныхъ молитвъ, то вотъ двѣ изъ нихъ, древность которыхъ восходитъ ко временамъ Апостольскимъ.

Одна изъ сихъ молитвъ приводится въ постановленіяхъ Апостольскихъ ³⁷⁾ и читается такъ: «Вседержителю, Боже вѣчный, Владыко всѣхъ, Творче и Правителю всяческихъ, украсивый миръ человѣкомъ о Христвъ и законъ естества и письмени ему даровавый, да законно и разумно поживетъ, и по грѣхонаденіи явивый благодать Твою, возбуждая его къ покаянію, призи на преклонившихъ Тебѣ вью душъ и тѣлесъ: не хоцеши бо смерти грѣшника, но да покается и обратится отъ пути лукаваго и живъ будетъ; иже Ниневитяиъ покаяніе пріемый; хотяи всѣмъ человѣкомъ спастися, и въ познаніе истинны пріити; пріавый въ отеческое нѣдро блуднаго сына покаяніа его ради: Самъ и нынѣ пріими покаяніе рабовъ Твоихъ; яко нѣсть человѣкъ, иже не согрѣшитъ предъ Тобою: аще бо беззаконіа назриши Господи, Господи, кто постойтъ? яко у Тебе очищеніе есть. Соедини ихъ Святый Твоей Церкви, въ первородной

36) Постан. Апост. кн. 2, гл. 8. — Разрѣшеніе отъ грѣховъ и примиреніе съ Церковію совершалось иногда, кромѣ возложенія рукъ, муропомазаніемъ. Это было въ случаѣ примиренія еретиковъ или раскольниковъ, которые были крещены въ Православной Церкви, но послѣ отъ нея отпали, либо крестились, хотя у еретиковъ и раскольниковъ, но по истинной формѣ крещенія, то есть, во Имя Отца и Сына и Святаго Духа. (Смотр. Лаод. Соб. прав. 7; Второго Всел. Соб. прав. 7; Трул. Соб. прав. 95).

37) Тамъ же кн. 8, гл. 9.

льпотѣ и славѣ чрезъ Христа Бога и Спасителя нашего, о Немъ же Тебѣ слава и поклоненіе во Святомъ Духѣ, во вѣки. Аминь.»

Другая разрѣшительная молитва помѣщена въ концѣ Литургіи Святаго Іакова ³⁸⁾ и читается такъ: Господи Іисусе Христе, Сыне Бога живаго, Агиче и Пастырю, взямай грѣхи міра, оставивый долги двумъ должникомъ, и женѣ грѣшницѣ оставленіе грѣховъ ея даровавый и здравіе разслабленному, съ оставленіемъ грѣховъ его, подавый, ослаби, остави, прости, Боже, прегрѣшенія наша, вольная и невольная, разумомъ и неразуміемъ, преступленіемъ и преслушаніемъ содѣянная нами, яже Духъ Твой пресвятый лучше вѣсть, неже мы раби Твои; и аще въ чемъ отъ заповѣдей Твоихъ, яко человекы плоть носящій и въ мірѣ семь живущіе, или отъ діавола прельщени, отступиша словомъ или дѣломъ; или въ злословіе впадоша, или подъ свою анаѣему падоша, прошу и молю неизреченную Твою благодать, да разрѣшится словомъ; и да простиши имъ и клятву, и свою анаѣему. по благодсти Твоей. Ей, Господи, услыши молитву мою о рабѣхъ Твоихъ, и яко не помняи обидѣ, остави всѣ ихъ неправды; прости имъ всякое согрѣшеніе вольное и невольное. Ты бо заповѣдалъ еси намъ, глаголя: елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси, и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небеси, Ты бо еси Богъ нашъ, Богъ еже миловати и спасати и оставляти грѣхи, и Тебѣ подобаеъ слава со безна-

³⁸⁾ Въ Литур. Іакова (см. библиот. отцевъ томъ 2, стр. 23).

Другія подобныя. такъ же древнія, молитвы, доселѣ употребляемыя въ Греческой и нашей Россійской Церкви, можно читать въ требникѣ.

чальнымъ Отцемъ и животворящимъ Духомъ, пышъ и при-сно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.»

Обозрѣніе употребленія въ древней Церкви Христовой запрещеній и разрѣшеній представляетъ, для сравненія съ позднѣйшимъ употребленіемъ въ Римской Церкви прощъ, слѣдующіе существенные выводы.

1) Древнія запрещенія были мѣрами испытанія кающихся въ искренности раскаянія, — въ степени отвращенія ихъ отъ грѣха и въ любви, а отчасти и навѣкъ къ добродѣтели.

2) Необходимость такихъ мѣръ основывалась съ одной стороны на томъ, чтобы кающійся въ грѣхахъ тяжкихъ, глубоко потрясенныхъ нравственныхъ его силы, не восхитилъ разрѣшенія отъ нихъ не имѣя еще искренняго и надежнаго отвращенія отъ грѣховной жизни и дѣятельной заботливости объ исправленіи ея, и такимъ образомъ не явился презрителемъ благодати разрѣшенія, даруемой для нашего исцѣленія и спасенія, а не попраиія. Съ другой стороны покаянныя запрещенія и подвиги служили для Церкви средствомъ для сохраненія вѣшняго благочинія и внутренняго нравственнаго назиданія и воспитанія, какъ самаго кающагося, такъ и всѣхъ чадъ Церкви, да вси приидутъ въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова³⁹⁾.

3) Но сіи запрещенія и подвиги никогда не признавались въ древней Церкви необходимыми для того, чтобы заслужить самое прощеніе грѣховъ, даруемое намъ единственно ради искупленія насъ страданіями и крестною смертію Спасителя нашего Иисуса Христа, ибо въ случаѣ опасности жизни разрѣшаемъ былъ всякій кающійся грѣшникъ, а затѣмъ въ случаѣ выздоровленія онъ долженъ былъ снова

³⁹⁾ Евес. 4: 10—13.

продолжать свое покаяніе, дабы приходить отъ силы въ силу въ своей духовной жизни.

4) Какъ употребленіе запрещеній проистекало изъ необходимости испытанія и нравственнаго воспитанія кающагося, такъ и древнія разрѣшенія основывались исключительно на усмотрѣніи требуемыхъ истиннымъ покаяніемъ качествъ, такъ что на семь только основаній и самыя запрещенія могли быть или сокращаемы, или удерживаемы до конца, или даже продолжаемы.

5) Но никогда разрѣшенія не были даваемы за одни какія либо чисто внѣшнія, не вытекавшія изъ духовныхъ потребностей самаго кающагося, и произвольныя, хоть бы и самыя благовидныя, заслуги. Напротивъ древняя Церковь не позволяла принимать отъ отлученныхъ и обыкновенныхъ даровъ и приношеній къ алтарю, ибо это значило бы имѣть съ ними нѣкоторое общеніе изъ видовъ корыстолюбія, — она даже не хотѣла удерживать у себя и тѣхъ даровъ, которые свободно принесены были отлученными во время ихъ общенія съ нею ⁴⁰⁾.

6) Наконецъ право разрѣшать кающихся принадлежало вообще тѣмъ, отъ кого каждый изъ нихъ былъ связанъ; такъ что только въ случаѣ опасности смерти кающійся могъ быть разрѣшенъ инымъ лицомъ, имѣющимъ благодать священства. Такимъ образомъ поелику Епископы были первыми блюстителями церковнаго благочинія, то они по преиму-

⁴⁰⁾ Смотр. Памятн. Христ. древн. т. III кн. 14, гл. 2. Тертуллианъ, говоря о Маркіонѣ и Велентинѣ, выгнанныхъ изъ Рима за ихъ ересь, присовокупляетъ, что Маркіонъ изверженъ былъ съ двумястами сестерціевъ, которые прежде внесъ въ Церковь.

(О мѣрахъ противъ еретиковъ 30).

шеству и принимали публичное покаяніе, и налагали за-
прещенія, и наблюдали за выполніемъ ихъ, и разръшали
кающихся. Однакожъ все это принадлежало, съ ихъ вѣдома,
и священникамъ, особенно, когда приносимо было публич-
ное покаяніе по доброму желанію самаго согрѣшившаго,
одобренному отъ священника въ видахъ понесенія каю-
щимся подвига глубочайшаго смиренія во благо его души
и назиданія другимъ.

Обратимся теперь къ исторіи прощья Римско-Католиче-
ской Церкви.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ив. Владимірскій.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Положеніе о Приходскихъ Попечительствахъ при церк-
вахъ. Открытіе собраній духовенства въ городѣ Ка-
рачевѣ для духовныхъ собесѣдованій. Воззваніе Пре-
освященнаго Антонія къ Смоленскому духовенству.
Вліяніе воззванія и послѣдствія. Какъ Кіевляне улуч-
шаютъ бытъ своихъ пастырей.

Съ давнихъ поръ забота о благоустройствѣ и благоль-
піи приходскихъ храмовъ лежитъ у насъ на обязанности
причта и преимущественно приходскаго священника. Если
церковь находится въ запущеніи, то это и начальствомъ
и мнѣніемъ народа относится къ нерадѣнію священника; если
же церковь благодѣйна и содержится въ чистотѣ и порядкѣ,
то и это опять приписывается обыкновенно заботливости на-
стоятеля и относится къ его чести. Вполнѣ понимая такой
взглядъ и духовнаго начальства и всего народа на свою
дѣятельность, священники обыкновенно на этомъ пунктѣ
своихъ обязанностей сосредоточиваютъ все свое вниманіе
и сюда направляютъ всѣ свои заботы.

Теперь этотъ порядокъ вещей долженъ измѣниться. Но-
вое узаконеніе—«*Положеніе о Приходскихъ Попечитель-
ствахъ при православныхъ церквахъ* *)» снимаетъ съ
священника бремя заботъ о благосостояніи храма и возла-
гаетъ его, какъ справедливость требуетъ, на цѣлую при-
ходскую общину, на представителей ея, избранныхъ об-
щимъ собраніемъ прихожанъ. Священникъ также имѣетъ
свою долю участія въ этомъ дѣлѣ: именно онъ является и
здѣсь *непрелымнымъ членомъ* приходскаго попечительства,
по буквѣ закона, а на практикѣ въ большей части случа-
евъ будетъ если не предсѣдателемъ его, то покрайней мѣрѣ
руководителемъ.

Мы не будемъ излагать подробностей этого новаго уза-
коненія, предоставляя нашимъ читателямъ заглянуть въ офи-

*) Съверная Почта № 200.

ціальную часть этого же № наших Вѣдомостей, гдѣ они найдутъ *Положеніе* во всей полнотѣ его и могутъ изучить его какъ слѣдуетъ. Мы только заранѣе порадуемся за послѣдствія этой благой мѣры. Съ одной стороны благосостояніе приходскихъ храмовъ не только не упадетъ, но еще возвысится, такъ какъ заботы объ немъ будутъ принадлежать цѣлому приходу. Съ другой стороны дѣятельность священника должна будетъ обратиться къ надлежащему исполненію его прямыхъ обязанностей, какъ проповѣдника, учителя вѣры и нравственности, руководителя своихъ прихожанъ въ дѣлахъ благочестія и строителя таинъ Божіихъ. Затѣмъ новый порядокъ дѣлъ устранить прежніе поводы неудовольствій прихожанъ на священника за его самовольство въ распоряженіи церковными суммами и даже на духовное начальство за его вмѣшательство въ хозяйственныя дѣла приходской церкви. Наконецъ плодами новаго узаконенія явятся, хотя не сейчасъ, а въ отдаленномъ будущемъ: дома для причтовъ, дома для школъ, больницы, богадѣльни, пріюты и другія благотворительныя учрежденія... Словомъ сказать эти новыя Попечительства явятся старинными братствами.

— Мы какъ-то сообщали нашимъ читателямъ о благочипническомъ слѣздѣ въ Рѣчицкомъ уѣздѣ *). Считаемо нужнымъ обратить теперь вниманіе на подобное же, но самостоятельное явленіе — на *открытіе собраний духовенства въ городѣ Карачевѣ* для духовныхъ собесѣдованій. Дѣло началось по инициативѣ мѣстнаго Протоіерея В. Д. Любомірскаго. Вотъ что онъ пишетъ объ этомъ въ газету Современный листокъ: «22 іюля текущаго 1864 года, день св. мученицы и равноапостольныя Маріи Магдалины и тезоименитства Ея Величества Государыни Императрицы, Маріи Александровны, карачевское градское духовенство ознаменовало открытіемъ духовныхъ собесѣдованій своихъ, касающихся церкви, паствы и самаго духовенства.

«Само собою разумѣется, что дѣло это не иначе могло совершиться, какъ по общему желанію и съ согласія всего

*) См. Полт. Еп. Вѣд. 1864 г. № 16 й.

духовенства, и притомъ не безъ разрѣшенія епархіальнаго начальства. Такъ точно оно и было. Благопріятный случай къ тому представился слѣдующій: 8-го апрѣля текущаго же года, все карачевское духовенство, по приглашенію моему, собралось въ домъ бывшаго духовнаго правленія, для прочтенія и уясненія проэкта орловскаго духовнаго общества взаимнаго вспомошествованія. По прочтеніи же поминутаго проэкта, живая, братская и единодушная бесѣда дала мѣсто разсужденію и о нѣкоторыхъ другихъ предметахъ, касающихся церкви, духовенства и прихожанъ. Замѣтивъ въ духовенствѣ полную охоту и живое стремленіе къ разсужденію о духовныхъ предметахъ, самъ же давно питая задушевную мысль учредить духовныя собранія, а) для сближенія между собою духовенства, б) для обобщенія въ немъ полезныхъ свѣдѣній и в) для усовершенствованія практической его жизни и церковнослужебной дѣятельности, я предложилъ духовенству, не пожелаетъ ли оно имѣть общія собранія свои, для обсуживанія и разъясненія разныхъ предметовъ, нужныхъ для духовенства, хотя однажды въ мѣсяцъ, начиная съ мая по сентябрь включительно. Отвѣтъ на такое предложеніе всего духовенства былъ положительный и искренно единодушный!

«7-го мая представлено было мною Преосвященному Поликарпу, епископу Орловскому: а) объ общемъ желаніи карачевскаго градскаго духовенства открыть собранія для духовныхъ собесѣдованій и б) о дозволеніи привести это въ исполненіе. Резолюція Его Преосвященства послѣдовала на моемъ представленіи весьма благопріятная для духовенства не только карачевскаго, но и всей Орловской епархіи. «Благословляется предположеніе въ семъ (репортѣ) изъясненное, въ видѣ общепользныхъ опытовъ привести въ исполненіе, и притомъ обсудить, не полезно ли будетъ на подобное предположеніе рѣшиться въ г. Орлѣ и дать знать къ подобнымъ предпріятіямъ объ оныхъ и другимъ благочиннымъ.»

«Вслѣдствіе такого предложенія Его Преосвященства, Орловская Консисторія признала полезнымъ для церкви, духовенства и паствы учредить духовныя собранія какъ въ г.

Орлѣ, такъ и во всѣхъ уѣздныхъ городахъ Орловской губерніи. Всемъ же сельскимъ благочиннымъ съблранъ, изъ Консисторіи, запросъ о «согласіи или несогласіи подвѣдомыхъ имъ священно-церковнослужителей на таковыя же собранія, равно, въ случаѣ изъясненія на сіе положительнаго отвѣта, мнѣнія о порядкѣ предполагаемыхъ собраній.»

Дальше разсказывается какъ происходило первое такое собесѣдованіе. Оно важно въ томъ отношеніи, что на немъ рассмотрѣны и опредѣлены правила для подобныхъ собраній. Вотъ извлеченіе изъ этихъ правилъ:

1) Духовныя собесѣдованія предприняты нами съ общаго согласія и для общаго блага. Поэтому, каждому изъ насъ надобно принимать въ нихъ искреннее и живое участіе, т. е. никто изъ насъ не долженъ ограничиваться однимъ слушаніемъ того, что здѣсь будутъ говорить другіе, но каждый долженъ стараться вносить въ собранія свои полезныя для другихъ свѣдѣнія и выражать свои сужденія и мнѣнія, по разнымъ предметамъ и обстоятельствамъ. Ибо при такомъ только, такъ сказать, дѣятельномъ участіи, наши собесѣдованія могутъ быть полезны для церкви, духовенства и прихожанъ.

2) При всѣхъ собесѣдованіяхъ, да и во всякое другое время, надобно быть между собою откровенными, искренними и благожелательными. Такое отношеніе между нами устранить всякое подозрѣніе и недовѣрчивость другъ къ другу, прекратить всякія не только непріятныя, но и непріязненныя дѣйствія одного къ другому, а въ собесѣдованіяхъ дать свободу мысли и слову.

3) При собесѣдованіяхъ никто не долженъ стѣсняться своими недоумѣніями, касательно возникающихъ вопросовъ и случаевъ, подлежащихъ общему обсужденію и рѣшенію. Ибо такова и цѣль нашихъ собраній, чтобы недоумѣнія доводить до яснаго сознанія и убѣжденія общимъ и дружескимъ разъясненіемъ.

4) Предлагать вопросы и предметы для общаго обсуждения и разъясненія, во время собранія, не возбраняется никому, т. е. не только священникамъ и діаконамъ, но и

причетникамъ. Однакоже, не всякіе вопросы должно подвергать обсуживанію, а только тѣ, которые прямо или косвенно касаются церкви, духовенства и паствы, а еще ближе насъ самихъ, собственнаго нашего служенія, нашей жизни и быта нашего.

5) Разъясненіе и рѣшеніе вопросовъ должно основываться: а) на законѣ Божіемъ, или св. писаніи; б) должно согласоваться съ ученіемъ православной церкви, в) съ церковною практикою, г) съ здравымъ смысломъ и д) съ отечественными гражданскими законами.

6) Всякія личности, оскорбительныя выраженія другъ о другѣ, а также запальчивые споры и пренія должны быть совершенно устранены отъ нашихъ собесѣдованій.

7) Не безызвѣстно всѣмъ намъ, что въ прежнихъ и современныхъ изданіяхъ встрѣчаются общепользныя для духовенства статьи, особенно для церковной и служебной нашей практики. Хорошо было бы положить за правило — такія статьи прочитывать, въ общемъ собраніи, для руководства, при исполненіи своихъ священныхъ обязанностей.

8) Всякому члену, участвующему въ духовныхъ собесѣдованіяхъ, вмѣнить въ обязанность, сообщать собранію свѣдѣнія на словахъ или на бумагѣ изложенныя, объ особенныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ изъ жизни прихожанъ или мірянъ вообще, и въ частности нѣкоторыхъ лицъ изъ нихъ, или изъ быта духовенства и о замѣчательнѣйшихъ дѣйствіяхъ лицъ духовнаго званія, такъ же: о правахъ и мѣстныхъ обычаяхъ каждаго прихода, въ церковно-религіозномъ отношеніи, объ особенныхъ порокахъ и добродѣтеляхъ, дабы первые, по возможности, удалить и искоренять, а вторыя распространять и обобщать между прихожанами другихъ церквей.

9) Полезно было бы и, кажется, необходимо будетъ вести хотя самую краткую записку о предметахъ нашихъ духовныхъ собесѣдованій, съ изложеніемъ главнѣйшихъ сужденій и рѣшеній, на которыя будутъ соглашаться всѣ члены, присутствовавшіе въ общемъ собраніи.»

Нельзя не признаться, что учрежденіе такого рода собе-

сѣдованій желательнo и у насъ, и вездѣ. Этотъ способъ общенія тѣмъ особенно хорошъ, что не затрудняетъ дальностію разстояній и неудобствами переѣздовъ, какъ это неизбежно при общихъ благотворительныхъ сѣздахъ.

— Въ виду постоянно возрастающихъ нуждъ духовно-учебныхъ заведеній Смоленской Епархіи, мѣстный Преосвященный Антоній обратился ко всему подвѣdomому ему духовенству съ циркулярнымъ предложеніемъ позаботиться объ увеличеніи свѣчныхъ сборовъ при церквахъ и о высылкѣ ихъ именно въ томъ самомъ количествѣ, въ какомъ этотъ сборъ поступаетъ. Въ противномъ случаѣ Преосвященный Антоній предупреждалъ, что по неимѣнію и скудости средствъ нѣкоторыя изъ духовныхъ заведеній епархіи будутъ закрыты, а въ семинаріи будетъ невольнo сокращено число казенныхъ воспитанниковъ. Редакція газеты «День», въ одной изъ передовыхъ статей своихъ по поводу этого циркуляра, выразила желаніе получить свѣдѣніе о томъ, какъ будетъ встрѣчено предложеніе Преосвященнаго Антонія въ средѣ Смоленскаго духовенства и какой оно будетъ имѣть результатъ. Нѣкто, подписавшійся буквами Р. С. сообщилъ въ редакцію желаемыя свѣдѣнія, которыя и напечатаны въ № 38 «Дня» подъ заглавіемъ «Отвѣтъ на вопросы Дня». Сущность этого отвѣта состоитъ въ слѣдующемъ:

«Циркуляръ Преосвященнаго Антонія имѣлъ въ средѣ духовенства полный успѣхъ. Онъ встрѣченъ всею безъ исключенія духовенствомъ Смоленской Епархіи съ полнымъ сочувствіемъ и благодарностію Преосвященному за попеченія его о благосостояніи подвѣdomыхъ ему духовно-учебныхъ заведеній и съ готовностію содѣйствовать всеми зависящими отъ духовенства средствами улучшенію быта сихъ заведеній. Искренность этихъ заявленій духовенства свидѣтельствуется тѣмъ, что всѣ почти причты изъявили готовность, по мѣрѣ силъ и средствъ своихъ церквей, возвысить церковный взносъ въ пользу духовно-учебныхъ заведеній, и возвысить, большею частію, весьма значительно. Нѣкоторые лишь причты обѣщали увеличить сей взносъ нѣсколькими рублями, или же неопредѣленнымъ количествомъ, по возмож-

ности; другіе указали значительную цифру, многіе признали возможнымъ увеличить пѣлюю третью, а нѣкоторые вдвое и даже болѣе противъ прежняго, предположивъ всѣ — составлять вносимую въ усиленномъ видѣ сумму не изъ однихъ свѣчныхъ доходовъ, оказавшихся недостаточными для содержанія духовно-учебныхъ заведеній, а изъ всѣхъ церковныхъ суммъ. Сочувствіе свое предположеніямъ своего архипастыря нѣкоторые причты и этихъ церквей выразили извѣщеніемъ готовности дѣлать добавленія къ скудному взносу своихъ церквей изъ собственныхъ, далеко небогатыхъ средствъ.

«На словесномъ заявленіи сочувствія и предположеніямъ Преосвященнаго Антонія духовенство не остановилось. Не остановилось оно и на заявленіи, въ общихъ только чертахъ, своей готовности увеличить средства духовно-учебныхъ заведеній. Важный вопросъ, объ устройствѣ духовно-училищной экономіи на новыхъ началахъ, сильно занималъ вниманіе духовенства, и оно, во время совѣщаній по сему предмету, вошло въ обстоятельное разсмотрѣніе его, высказало, касательно его, много весьма дѣльныхъ соображеній и подготовило не мало данныхъ для справедливаго во всѣхъ отношеніяхъ и основательнаго разрѣшенія вопроса. При рѣшеніи вопроса о церковномъ взносѣ въ пользу духовно-учебныхъ заведеній, духовенство постоянно должно было имѣть въ виду два интереса: — интересъ церквей и интересъ духовныхъ училищъ, и подготовить такое рѣшеніе вопроса, чтобы доставить училищамъ достаточныя для благоустроеннаго существованія ихъ, — притомъ твердыя и постоянныя средства, безъ отягощенія въ тоже время для церквей. Ему предстояло подготовить такое рѣшеніе вопроса о церковномъ взносѣ въ пользу училищъ, чтобы жертвы, приносимыя на сей предметъ приходскими церквами, были совершенно уравновѣшены съ ихъ хозяйственными средствами, и чтобы церкви, находящіяся въ одинаковыхъ хозяйственныхъ условіяхъ, не приносили въ пользу училищъ, — не одинаковыхъ, однѣ большихъ, другія меньшихъ, жертвъ, а тѣмъ болѣе церкви богатыя не дѣлали взносовъ, уступающихъ въ своемъ количествѣ взносамъ

церквей бѣдныхъ. Въ настоящее время, при отсутствіи твердыхъ правилъ и порядъ для равномерныхъ взносовъ свѣчныхыхъ суммъ церквами, — взносы сіи могутъ быть и бывають весьма произвольными, отъ однихъ церквей — значительными не по состоянію и потому обременительными, а отъ другихъ церквей совершенно ничтожными и несообразными съ ихъ богатыми средствами. Этотъ непорядокъ, являющійся на однихъ церквахъ большія жертвы, чѣмъ на другія, часто богатѣйшія, нужно было устранишь. Съ другой стороны, — въ интересъ духовно-учебныхъ заведеній, для доставленія имъ средствъ къ существованію вѣрныхъ и постоянныхъ, — нужно было найти наиболѣе общеприложимое, недвижимое и неизмѣнное основаніе для опредѣленія и раскладки взноса въ пользу училищъ между церквами — основаніе такое, при которомъ бы церкви, дѣлая правильную, сообразную съ своими средствами, раскладку взноса, постоянно доставляли духовно-учебнымъ заведеніямъ смѣтную сумму, — до 41,000 руб. Наиболѣе удобнымъ признано принять за основаніе, для опредѣленія и раскладки взноса между церквами, количество прихожанъ мужескаго пола, принадлежащихъ къ известной церкви, и, установивъ такую общую опредѣленную единицу взноса съ каждаго прихожанина, произведе-ніе которой на число всѣхъ православныхъ жителей Смоленской губерніи мужескаго пола давало бы смѣтную сумму, — опредѣлять, произведеніемъ сей единицы на число прихожанъ, количество взноса съ каждой приходской церкви. Потомъ признано справедливымъ, по вниманію къ особеннымъ обстоятельствамъ и хозяйственнымъ условіямъ некоторыхъ церквей, — или, сравнительно съ большинствомъ, особенно богатыхъ, или особенно бѣдныхъ, — видоизмѣнять въ отношеніи къ нимъ церквамъ общую, нормальную единицу взноса, для церквей богатыхъ увеличивая ее, а для бѣдныхъ уменьшая. При приложеніи этихъ соображеній къ дѣлу и при опредѣленіи по нимъ раскладки взноса съ церквей, для составленія смѣтной на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній суммы, — остановились на томъ, что процентъ съ церковныхъ доходовъ равняющійся 6 рублямъ со 100 прихожанъ мужескаго пола, можетъ быть признанъ, общепри-

ложимымъ, нормальнымъ и практическимъ для взноса со стороны большинства церквей,—можетъ быть признанъ такимъ, какъ потому, что этотъ взносъ не обременитъ церковь съ средствами достаточными, такъ и потому, что онъ, въ добавленіи къ другимъ, имѣющимся въ виду суммамъ, доставитъ надлежащее, нужное для составленія сметной суммы, количество денегъ. Во вниманіе къ особннымъ условіямъ церквей, предположено — взносъ церквей бѣдныхъ понизитъ съ 6 до 5, 4½ руб. и даже меньше, смотря по средствамъ, со 100 прихожанъ; а взносъ церквей богатыхъ (городскихъ, или сельскихъ, имѣющихъ особенно чтимыя иконы, привлекающія значительное число богомольцевъ, и потому имѣющихъ значительныя средства и т. п.) возвыситъ съ 6 до 8 и даже до 10 рублей со 100 прихожанъ. При этой нормѣ, возможно уравновѣшивающей жертвы церквей въ пользу духовно-учебныхъ заведеній, — существованіе и благосостояніе сихъ заведеній въ Смоленской епархіи, по соображеніямъ духовенства, могутъ быть обезпечены навсегда, или, по крайней мѣрѣ, надолго, и сумма около 41,000 рублей, ежегодно нужная на содержаніе училищъ, можетъ быть доставляема церквами безъ особенныхъ затрудненій.

Г. Р. С. сообщая въ заключеніи своего «Отвѣта», что Преосвященный Антоній довелъ до свѣдѣнія Св. Синода о послѣдствіяхъ своего обращенія къ Смоленскому духовенству, выражаетъ желаніе и надежду, что высшее духовно-училищное Начальство, — если только оно не имѣетъ въ виду само разрѣшить болѣе удовлетворительнымъ образомъ вопросъ объ улучшеніи быта всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній, — не будетъ противодействовать осуществленію предположеній Преосвященнаго Антонія...

— Объ улучшеніи быта духовенства есть вѣсти только изъ Кіева и то —самаго страннаго свойства. 29 сентября Кіевское городское общество обсуждало ходатайство Кіевской духовной Консисторіи о надѣль причтовъ Кіевскихъ церквей городскими лугами и объ отпускѣ лѣса изъ городскихъ лѣсныхъ дачъ на устройство при церквахъ помѣщеній для тѣхъ же причтовъ. Принимая въ соображенія:

1., постоянное возрастаніе настоятельныхъ нуждъ города, вызывающихъ усиленные расходы, и крайнюю необходимость въ удовлетвореніи ихъ; 2., значительный недостатокъ средствъ къ покрытію означенныхъ расходовъ и упадокъ многихъ доходныхъ статей города; 3., что городскіе дуга, за исключеніемъ немногихъ, состоятъ въ арендѣ у частныхъ лицъ по контрактамъ срокомъ отъ 4-хъ до 12-ти лѣтъ; 4., что предоставленіе духовенству городскихъ луговъ во всякомъ случаѣ ослабитъ доходы города и вмѣстѣ съ тѣмъ не послужитъ вѣрнымъ обезпеченіемъ для духовенства, ибо по опыту извѣстно, что арендаторы городскихъ луговъ въ послѣдніе годы не возвращаютъ затраченныхъ на обработку капиталовъ, а тѣмъ болѣе тѣ же дуга въ рукахъ духовенства, отвлеченнаго сложностію прямыхъ своихъ обязанностей, далеко не могутъ дать имъ и того, что приносятъ опытнымъ арендаторамъ; 5., не имѣя въ виду, какое приблизительно количество строеваго лѣса потребуется на постройку жилья для причтовъ городскихъ церквей, нельзя въ настоящее время судить, на сколько удовлетвореніе этого требованія будетъ отвѣчать нынѣшнему состоянію лѣснаго городского хозяйства и наконецъ 6., Высочайше утвержденнымъ 2-го августа положеніемъ о Приходскихъ Попечительствахъ при православныхъ церквахъ заботы объ изысканіи способовъ для увеличенія средствъ содержанія приходскаго духовенства и объ устройствѣ домовъ для церковнаго причта возложены на приходскія Попечительства, которые должны учредиться во всякомъ приходѣ, — приговоромъ того же числа состоявшимся постановило: по всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ, въ виду учреждаемыхъ Приходскихъ Попечительствъ, ходатайство Кіевской духовной Консисторіи оставить безъ удовлетворенія. *).

Не правда ли, странный приговоръ и еще болѣе странные резоны? Это какіе-то жалкіе, смѣшные увертки, а не резонныя основанія. Чего тутъ нѣтъ? Извороты самыя хитрые, показанія самыя неопредѣленные, опасенія самыя напрасныя, указанія на законы самыя неудачныя... Положеніе

*) См. Кіевлянинъ 1864 года № 42.

о Приходских Попечительствах напр. вовсе не требуетъ учрежденія такихъ Попечительствъ при всѣхъ церквахъ и даже прямо предполагаетъ такіе приходы, въ коихъ учрежденіе попечительствъ изъ нѣсколькихъ лицъ оказались бы непримѣнимыми къ дѣлу; а Кіевское общество вычитало на оборотъ, что Попечительства учредятся во всякомъ приходѣ и пренаивно сваливаетъ на эти Попечительства заботы о духовенствѣ, забывая что если Попечительства и откроются въ Кіевѣ, то будутъ состоять изъ тѣхъ же членовъ городского Кіевского общества.

Когда мы читали знаменитое постановленіе Калужскаго городского общества тоже о городскомъ мѣстѣ, то полагали, что оно единственное въ своемъ родѣ. Теперь видимъ, что мы ошиблись: куда Калугѣ противъ Кіева?! Кіевскому городскому обществу по справедливости принадлежитъ въ этомъ случаѣ заслуженное первенство.

II. Даниленко.

Содержаніе: I. Тайна будущаго предназначенія по ученію Вѣры и науки (Окончаніе). II. Древнія церковныя запрещенія (эпитиміи) и новыя папскія прощія (индульгенціи). III. Разныя мѣвѣстія и замѣтки.

Редакторъ, Прот. Н. Думитрашк.

Печатавъ позволено: 1 Ноября 1864 года. Цензоръ Протоіерей Катрицковъ.

П о л т а в а. Въ типографіи Н. Пигуничко.